

* * *

Тысячу раз представлял тебя —
В кроватке, в траве, в могилке,
Под капельницей, в землетрясеньи —
И каждый раз было смешно.

Пик-пик — я — мышка-норушка,
Волчок серый бочок,
Но я тоже тебя люблю
И однажды был пойман с поличным,
Потянувшись за дымкой твоей.

Вот один человек приходит,
Или сам берешь и приходишь,
И стоишь, и думаешь — вроде
Тот, а может — не тот.
Но однажды приходит природа,
Точная, как математика,
Угаданные в секунду —
Кожа, запах, живот.

* * *

Не наступай на иголку —
Иголка по тонким венкам
Протиснется прямо к сердцу
И смертью тело пронзит.
Так нас пугали в детстве.

Но я наступил, мама,
Что мне твои страшилки,
На кучу опасного хлама —
Иглы, бритвы, точилки.

Аорта пробита иглой,
Из раненой пятки — нить,
Кто будет теперь со мной,
С распаханным, говорить.

Выискивать в списках жертв,
Прыскать живой водой
На умирающий нерв,
Выуживать именно мой
Голос.

Матушка моросила
Над продырявленным сыном,
Вытаскивала иголки
Из кожи его, как из елки,
Сын бестревожно спал,
Отдавшийся чудесам.

Во сне приходил Рафаэль,
Писал с меня Иисуса,
В руках круглолицей Мадонны.

* * *

Все думаю, что от тебя осталось:
Осколок, нота голоса, росток,
Живая бабочка, которая цеплялась
За цветок.
Живое облако, хоть что-нибудь живое.
Не может же все разом умереть
И подчиниться формуле паденья.
С такой-то высоты такой-то массы тело.
Я не могу неверующим быть.
Надеюсь, ты в лесу.
Там есть гитары.
И ставят Федорова.
А похороны будут только завтра,
И повара для нас кутью сварили —
Изюм и рис, блины на кипятке.
Нам будет слишком вкусно, слишком больно,
И стыдно думать, что кутья без соли —
Так приторно,
А блин с засохшей коркой.

И плотники строгали будто лодку,
Но это гроб, и чем же он не лодка,
Нам страшно подойти и там увидеть
Тебя, с изломанной спиной и шеей,
В последнем бело-золотом наряде,
Узнавшей всех и видящей насквозь,
Ну, например, мои благие планы
Когда-нибудь все это записать.
А я несу совсем дешевых роз,
А ты лежишь, и как тебе не стыдно
Тонуть
В таком количестве
Цветов.

* * *

Какой ты мне друг,
Если не поделишь со мной преступленье.
Какой ты мне брат,
Если не скроешь меня от тюрьмы.
Какой ты мне враг,
Если не сможешь в меня выстрелить.
Какой ты мне сад,
Если в тебе ни одной могилы.

Чти того, кто вырастил тебя —
Он грубее дышит, громче ходит,
У него не руки, а лопаты —
Ты его еще увидишь мертвым.
Твое тело сдобрено навозом,
Из подмышек вырвана крапива,
Чтоб тебе позеленеть подольше —
Не исчезнуть в сорняке склероза.
Тополь нас переживет, и елка.
Даже бархатцы — и те переживут.
Здесь закопано украденное ночью,
Здесь в кустах мы прятались от мамы,
Здесь в меня стреляли из рогатки,
Здесь схоронен Тузик или Шарик.
Эту яблоню лелеял прадед,
Ту смородину отец тревожил.
Я расту и превращаюсь в клумбу,
Нарушаю правила игры —
Я садовником родился,
Не на шутку рассердился,
Все цветы мне надоели —
Лучше б я родился садом.

* * *

Из всех предложенных я выберу одну.
Не ту — кровавую, старушечью — не ту.
Не долгую, а лучше — на ходу.
Упал на снег, рассыпался в звезду.
Но если б можно было выбирать.
А дальше так: обычный русский лес.
Ой, мамочки, как я сюда залез.
Какие сосны, прадед вырос дубом,
А дед — орешником, я этот лес
Целую в листья, корешки и губы.
Здесь можно много: я могу летать.
Но как ужасно ожиданье мертвых:
Они скучают в темной древесине
И тянут ветки к тем, кто ходит
В лесу живых, качается, потеет.
Вот если бы у смерти было тело,
Оно бы не могло качаться и потеть.
А я могу краснеть и зацветать.
Наверное, мне вырастать рябиной.
Но лучше волком, а не деревом лежать —
Искать своих, кусать живых, любимых.
Я не умею выбирать.
Я не имею права выбирать.
Но если б было можно.

* * *

У тех, кого встречаю под водой,
Когда ныряю в озеро с разбега,
У них в предсердиях не кровь, а память.
Они тоскуют по сухому шагу,
И повторяют: ноги, ноги, ноги.
Купальщики стоят на берегу
По щиколотки в сумрачную воду.
Не заплывай туда, где дно уходит
И превращается в открытый рот.
Дыхания хватает на минуту.
И озеро плюет меня на сушу,
Где я лежу в слезливой оболочке
И нет во мне ни памяти, ни силы.
Поэзия должна быть грубовата —
Поэтому я посылаю к черту
Всех тех, кто не ходил со мной купаться,
И тех, кто с лодки в озеро бросал.
Но ты держись за мой плавник отбитый:
Никто другой тебя тащить не будет,
Под этой музыкой зарыты люди,

А многие и заживо зарыты.
И лица светятся из глубины.
Купальщики не чувствуют вины.
А я всего лишь жизни ручеек,
И я в бегу, впадаю в речку смерти,
И речка разливается, впадая
В огромный тихий океан бессмертия.

* * *

Те, кто бежал, исчезли постепенно.
И больше нету дружного дыханья.
Я догонял их, а они — пропали.
Куда вы, лошади, куда теперь бежать;
Но если бы я осторожней был,
То удержал бы их одним усилием,
Одним вдох-выдохом: они бы подождали,
Мы вместе бы дышали, как тогда,
Когда нас выносили из воды.
Когда нас выносили из воды,
Когда нас заново дышать учили
(Там многие обратно задохнулись,
А многие с тех пор вдыхают кожей),
Я научился только повторять:
Вдыхает первый — я за ним вдыхаю,
Твой надувается живот — и мой,
И легкие, измученные бегом,
Сжимаются, как бабочки в руке.
В моем бронхите половина твоего,
Давай синхронно выдохнем.
Когда нас выносили из пожара
И ты на мне, как пыль, лежал-лежала,
Я научился делать за двоих —
Одним усилием, легкими курильщика,
Из кислорода в углекислый газ.
Куда вы, сволочи, куда забрали вас.
Я здесь стою с расплавленной ногой.
Вращается воронка надо мной.
Там финишные ленточки, там Леночки,
Ошметки, Костя смотрит вниз, Никита курит,
Витя и гитара, Аня, Даша.
Там нету воздуха.
И я учусь задерживать дыханье.